

Разрушители

(ОБНОВЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ в XX ст.

В современном мире мы часто сталкиваемся с подменой понятий. В борьбе за демократию осуществляется разрушение государств с многочисленными человеческими жертвами и экономическим коллапсом, в борьбе за права человека разрушается институт семьи, гибнут или не рождаются дети, в борьбе за свободу слова резко выросли возможности по распространению лжи. И встает закономерный вопрос или история нас ничему не учит, или отдельные группы людей слишком хорошо освоили способы тех же политических манипуляций от своих предшественников. Свой вклад в данную копилку знаний внесло и обновленческое движение Русской православной церкви (РПЦ). Прогрессивное движение за обновление Церкви, за направление всех ее сил на решение главной своей задачи – духовного служения народу, оно переродилось в раскол, в отпадение от православия, в разрушителя духовно-нравственных основ общества.

В статье предпринимается попытка анализа подобного перерождения конструктивного по своему характеру и намереньям явления в деструктивное течение требующее своего комплексного изучения с целью предупреждения подобных ситуаций в будущем. Не смотря на внешне благополучное сотрудничество между Православной церковью и властями в Российской империи проблемы во взаимоотношениях были и со временем приобретали системный характер. Церковь выступала как важнейший идеологический институт, как знаковая составляющая идеи российской государственности. Синодально-консисторская система позволяла властям полностью регулировать внутрицерковные дела, а фактическое руководство мог осуществлять чиновник не разделявший христианское мировоззрение. На Поместном Соборе 1917-1918 гг. архиепископ Таврический Дмитрий (Абашидзе) с саркастической горечью говорил о церковной власти: «И

схватили эту власть цепкие руки: явилось преемство власти не в рясах, а во фраках и мундирах, преемство людей неверующих, явных отступников от веры, по рождению и по воспитанию не принадлежащих к русскому народу» [1, с.41]. Непопулярность правящих кругов была очевидна и отождествление с политическим режимом серьезно ухудшало имидж Церкви. Подобная ситуация вызывала недовольство в среде священнослужителей и мирян, определявших миссию православия в духовном служении народу, а не в выполнении надзорных функций за политическими взглядами прихожан. Необходимость перемен в системе государственно-церковных отношений особенно стала очевидна к началу XX века. Церковь стремилась к свободному развитию в соответствии с православными канонами. Быстрое укоренение капиталистических отношений, формирование новых условий жизни граждан требовало адекватного, своевременного ответа то есть грамотно разработанной социальной доктрины, основанной на вероучительном фундаменте Церкви. И часть епископата, в том числе члены Святейшего Синода, и простой клир, профессура Духовных академий отчетливо понимали опасность для веры и Православной церкви внешне благополучно реализуемой обрядовости, инстинктивной религиозности, выполнявших политическую, националистическую, но только не религиозную функцию. Осмыслением ситуации активно занялись религиозно-философские собрания, состоящие из интеллигенции, профессуры Духовных академий, священнослужителей. Проходило отрезвление от нигилизма и безбожия «шестидесятых», поиск ответов на важнейшие вопросы общественно-политической жизни общества в религиозном учении. Изменения ситуации ожидали и в среде простых священнослужителей. Причем выражались они порой в абсолютно радикальных формах, как, например деятельность о. Георгия Гапона в Санкт-Петербурге, увлекшегося социалистическими идеями и по сути спровоцировавшего со своими сторонниками Кровавое воскресенье 9 января 1905 г. В дальнейшем, разобравшись в том к чему это может привести, «поп

Гапон» отрекся от идей революционного преобразования России и был убит бывшими соратниками. В это же время так называемая «группа 32 священников» в Санкт-Петербурге направила письмо правящему архиерею с требованием радикальных церковных реформ. Имело место недовольство существующей системой образования. В феврале 1905 г. событием из ряда вон выходящим стал бунт учащихся Минской Духовной Семинарии. «Отказавшие в повиновении своему начальству студенты учинили в семинарии жуткий погром, в результате которого были разгромлены: канцелярия, квартиры ректора и инспектора, а учебный процесс в семинарии прервался на три месяца» [2, с. 14].

В условиях начавшейся Первой мировой войны первостепенной была задача освобождения Церкви из бюрократических пут. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, РПЦ отдаляла себя от людей. Наблюдалась дальнейшая политизация духовенства. Церковь не обладала должным потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения, сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а взамен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [2, с. 26]. Ни царь, ни его окружение в еще более сложных для страны условиях не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви, а ведь религия играла важную роль в общественном сознании. Игнорирование этого верховной властью вело население страны, в том числе и православных верующих к своего рода мировоззренческому обрыву.

Политическое руководство сочло попытки модернизации Церкви несвоевременными и даже опасными. К роковому 1917 г. Православная церковь никоим образом не смогла освободиться от государственных пут. Из предлагаемых многими иерархами действенных реформ ни одна не получала своей реализации. Антиклерикальные настроения усиливались. Решению внутрицерковных проблем могла способствовать только соборность в

управлении Церковью, однако власти не разрешали созывать Поместный Собор, который мог избрать патриарха или сформировать иную действенную систему управления. Важнейшими задачами требующими своего решения так же были реформы духовных школ, приходов, административно-территориального деления епархий. В этой связи оказались пророческой запись в дневнике отца Георгия (Шавельского): «Реформ не будет! А в таком случае революция церковная, – особенно если разрознится революция государственная, – неминуема» [3, с. 59]. Важно отметить, что и достижения в деятельности Церкви, особенно на местах, были значительны.

Между тем, не смотря на имеющиеся в симфонии государственно-церковных отношений противоречия, религия в России играла важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [3, с. 168]. Однако растратив свой авторитет, в том числе для спасения монархического государства, удовлетворения меркантильных интересов самого государства Российская православная церковь к 1917 г. на определенное время подорвала иммунную систему общества, способность противостоять политическому и религиозному экстремизму. Выступая за обустройство более справедливого, социально ориентированного государственного строя Церковь не смогла стать духовно-нравственным барьером на пути самоистребления нации. Не став во главе движения за преобразование общества и решение насущных проблем населения РПЦ заплатила за это не только сотнями тысяч жизней клириков, прихожан, потерей имущества, но и появлением на своем теле неизлечимых язв в виде раскола. Игнорирование верховной властью в целом комплексе нерешенных проблем и церковного вопроса привело к событиям 1917 г. и к тем формам и методам реализации основных направлений внутренней и внешней политики, какие имели место при Временном правительстве и в Советской России. Катализатором возникновения в церковной среде различных

децентрализованных течений явилось внутреннее государственное нестроение. Падение монархии, министерская чехарда, непонятность государственного обустройства в условиях крайне расстроенного народно-хозяйственного комплекса и разваливающегося фронта толкали людей к совершенно неприемлемым формам достижения свободы. Самочинные экспроприации, фактический разбой и мародерство стали обыденностью. Страну наполняли всякого рода политические и псевдорелигиозные идеи и деятели. Именно «духовно-нравственно оскудение» и привело в 1917 г. не только к важнейшим событиям, а именно двум революциям, но и к особо щепетильному восприятию реальной действительности значительной частью граждан империи. Социально-экономические неурядицы, политические шатания в не проникнутых христианской любовью сердцах вызвали желание улучшить свое положение любыми средствами, невзирая на способы их достижения. В погоне за переменами не все смогли правильно сориентироваться в выдвигаемых лозунгах, оценить их безопасность и просчитать последствия. Это стремление увлекло и некоторых воцерковленных людей, священнослужителей, и даже монахов.

Действия Временного правительства в лице «демократа-реформатора» обер-прокурора В.Н. Львова напоминали скорее антиправославный демарш, чем здравую конфессиональную политику. Иерархи Церкви не согласные с действиями обер-прокурора увольнялись на покой, Святейший Синод должен был выполнять волю не имевшего достаточного представления о реальной действительности В.Н. Львова. Среди религиозных деятелей также оказались те, кто за лозунгами достижения социальной справедливости не усмотрел губительных для Церкви деяний. Радикальные лозунги выдвигались и представителями созданного в 1917 г. Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян. Наряду со справедливым обустройством общественной жизни союзом выдвигались призывы к значительным внутрицерковным реформам, во многом подрывавшим единство православия. Начавшийся в августе 1917 г.

Поместный Собор не поддержал эти реформы. Избрание патриарха и наметившееся реформирование всех сторон деятельности РПЦ в условиях изменения политического строя оставили представителей Всероссийского союза демократического православного духовенства и мирян в явном меньшинстве и полностью выбили почву для их экспериментов. В такой ситуации «реформаторы» понимали, что в борьбе за выживание им нужен мощный союзник, которым в условиях противостояния руководства РПЦ и большевиков могли стать только официальные власти. Уже в 1918 г. некоторые представители духовенства предлагали свои услуги для борьбы с «церковной контрреволюцией». В революционном запале большевики предполагали в течение нескольких лет полностью ликвидировать не только религиозные организации, но и саму религию, веру, заменив ее «верой без мнимых богов» в некое светлое будущее. Новая власть в заигрывании с попами, в условиях жесточайшего антирелигиозного террора, не видела целесообразности. К 1920 г. ситуация изменится. Наметься общерелигиозный подъем в массах. Стало ясно, что насадить социализм штурмовыми методами на российской почве невозможно. Не получалась и антицерковная атака, которая не могла принести значительных результатов по той простой причине, что вера – это не то, что лежит на поверхности, она находится глубоко в сознании и туда с маузером или мандатом не доберешься. Для борьбы с Православной церковью большевикам необходимо было задействовать иные формы и методы работы. Одним из направлений стало инспирирование раскола Церкви и осуществление преобразований разрушающих духовную основу православия. К сожалению, в среде духовенства нашлись представители согласившиеся участвовать в мероприятиях безбожников. Значительная часть из них были участники дореволюционного реформаторского движения.

Органам государственного управления в первой половине 1922 г. удалось передать руководство РПЦ яростным сторонникам советской власти обновленцам. Было создано Высшее церковное управление (ВЦУ). Патриарх

Тихон был арестован, а не желавшие признавать ВЦУ епископы и простые священники смещались, подвергались арестам, угрозам и иным формам давления. Открыто противостоять обновленцам могли далеко все клирики. В 1922 - 1923 гг. это означало практически неминуемую расправу карательных органов. Признал ВЦУ и епископ Минский и Туровский Мелхиседек. Группа белорусских священнослужителей и общественных деятелей ставила вопрос об автономии Белорусской православной церкви. Мелхиседек, не придавая особого значения данному вопросу, основываясь на письмах патриарха Тихона и его временного местоблюстителя митрополита Агафангела, повел линию на автономию Белорусской православной церкви. 10 июля 1922 г. в Минском Кафедральном было объявлено о провозглашении автономии Белорусской церкви. Создавалась Белорусская митрополия на территории БССР. Епископ Мелхиседек назван митрополитом Белорусским и Минским. Заявляя о поддержке большевиков, он всячески старался избежать более позорных и пагубных для Православной церкви обновленческих нововведений. Полный отказ от сотрудничества означал бы арест митрополита и многих его сторонников, что автоматически расчистило бы дорогу обновленцам. Для того чтобы ограничить деятельность раскольников тихоновцы начинают играть на противоречиях между различными обновленческими группировками. Руководство ГПУ Белоруссии, верно рассмотрев мнимого обновленца Мелхиседека, в августе 1922 г. начинает проведение мероприятий по поддержанию раскола в РПЦ. 17 августа 1922 г. органами издается соответствующее циркулярное распоряжение всем уездным отделам. В нем предписывалось выявить «пригодных для работы священнослужителей, организовать их в группы и всячески стимулировать присоединение к ним остального духовенства» [5]. Однако пока трогать митрополита считали нецелесообразным. С одной стороны все же была надежда, что тот прекратит саботировать «церковно-революционное движение» и поможет легитимировать претензии ВЦУ на церковную власть, с другой, верующие однозначно негативно относились к нововведениям

живцов, а Мелхиседек пользовался большим авторитетом и его арест вызвал бы нежелательную реакцию. К весне 1923 г. органы однозначно убеждаются в пагубности деятельности митрополита, так как в Минской епархии обновленческое движение представлено было практически формально. В апреле он был выслан из республики.

На время обновленцы перешли в наступление. Смогли провести ряд организационных мероприятий. Минск посетил фактический руководитель ВЦУ А. Введенский. Наметившееся оживление прервало неожиданное освобождение патриарха Тихона. Оказавшись на свободе первосвященник выступил с резким осуждением раскольников. После принесения патриарху покаяния в Минск осенью 1923 г. вернулся Мелхиседек. С его приездом обновленчество в Минской епархии фактически перестало существовать. Однако такая ситуация не устраивала политическое руководство, тем более после укрупнения БССР в 1924 г. В восточных регионах позиции обновленцев были достаточно сильны. По числу приходов позиции тихоновцев и раскольников были практически равны. Легитимировать претензии живцов на право представлять РПЦ в БССР власти попытались посредством проведения Первого Областного Церковного Собора в мае 1924 г., где был учрежден Белорусский Священный Синод во главе с епископом Серафимом (Мещеряков). Однако новый митрополит всей Белоруссии не предпринял действенных мер для борьбы с тихоновщиной, разобрался в сложившейся ситуации и уже в сентябре принес покаяние Святейшему Патриарху. Для легализации нахождения в БССР нового главы обновленцев на Мелхиседека и некоторых его сторонников было заведено уголовное дело, с возможностью применения высшей меры революционной законности. Минское епархиальное управление запрещается. При поддержке госорганов обновленцы пошли в решительное наступление, выразившееся в основном в захвате храмов и имущества. Митрополит вынужден был пойти на определенные уступки, чем вызвал возмущение верующих.

Именно в этот период начинается еще один трагический этап в истории РПЦ на территории Беларуси. В 1924-1925 гг. в Витебске, Могилеве, Гомеле благодаря активной и мужественной деятельности сторонников патриарха обновленчество пошло на спад, а прибывшие туда архиереи, особенно Могилевский Никон (Дегтяренко) и Гомельский Тихон (Шарапов) выступили против провозглашенной в 1922 г. автономии и объявили Мелхиседека раскольником. Существующая тогда ситуация не позволила митрополиту полностью разрешить вопрос провозглашенной им автономии. Подобные разногласия были выгодны только обновленцам и никоим образом не способствовали церковному строительству. На пути обновленцев стал простой верующий народ, вдохновляемый не впадшими в раскоп пастырями. Прихожане никак не признавали «красных батюшек», считая их таинства неблагоприятными, а общение с ними – греховным. В условиях тяжелого экономического кризиса в конце 1920-х гг. источником чуть ли не всех бед считался безбожный режим, и явное сотрудничество с ним никак не ассоциировалось с духовным служением православного священника. Моральный образ большинства обновленческих батюшек не соответствовал православной традиции и больше походил на разнузданное поведение отдельных представителей власти.

Советское законодательство ставило церковнослужителей в полную материальную зависимость от приношений граждан. Обновленческие приходы БССР были малочисленны и особенно бедны, что вызывало отток священников. Резкая антирелигиозная компания в 1930-е гг. фактически уравнила положение всех течений РПЦ в БССР, что вылилось в практически полную ликвидацию организационных структур Церкви. На всесоюзном уровне до середины 1930-х гг. имелось компетентное мнение, что обновленческие структуры после дополнительного натиска на староцерковников вполне смогут единолично возглавить РПЦ. Политика давления в 1937-1938 гг. на какое-то время унифицировала отношение к религиозным организациям.

Таким образом, из проведенного исследования мы видим, что обновленческое движение в Русской православной церкви представляло собой разнородное движение клира и мирян жестко контролируемое официальными властями. И если при царском режиме это была попытка всячески оградить общество от любого инакомыслия, то большевики ставили задачу полной ликвидации Церкви и одним из направлений антирелигиозной деятельности была поддержка, инспирирование и практическое осуществление расколов, а обновленчество со своей превдомодернизацией выступало ширмой внутрицерковных процессов. Обе попытки не привели к чему то созидающему. Распространение нетрадиционных религиозных учений и социалистических идей в условиях Первой мировой войны способствовали изменению политического строя, в свою очередь повлекшим за собой многочисленные человеческие жертвы, системный кризис государственной власти, экономический коллапс. Вмешательство большевиков во внутрицерковные дела разрушало духовно-нравственный стержень общества, вызывало недоверие к осуществляемым социально-экономическим преобразованиям. Инспирированные расколы и резкие антирелигиозные действия партийного-государственных структур, особенно с начала 1930-х гг., привели к переходу части православных верующих в катакомбные и сектантские общины, абсолютно враждебно относящиеся к советской власти. Обновленчество не вылилось в народное движение. Пренебрежительное отношение к нему прихожан и стало, скорее всего, определяющим при выборе церковной структуры для нормализации государственно-церковных отношений в 1943 г., а патриотический порыв показал истинный смысл духовного служения Русской православной церкви.

Литература:

1. *Цыпин, В.* Русская Церковь 1917-1925 / В. Цыпин. — М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. — 189 с.
2. *Кривонос, Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. — Минск: Врата, 2008. — 255 с.

3. Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – 168-282 с.
4. *Шкаровский, М.В.* Русская Православная Церковь в XX веке / М.В. Шкаровский. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4 – Оп. 1. – Д. 489. – Л. 81.